

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

**Богиня
весны**

Приключения баронессы Корф

Валерия Вербинина

Богиня весны

«Автор»

Вербинина В.

Богиня весны / В. Вербинина — «Автор»,

ISBN 978-5-699-33340-0

«Ах, как хороша, как нежна, как упоительна весна – но вдвойне хороша она в прекрасном городе Париже. Вдоль бульваров каштаны распустили зеленые гривы, воздух пронизан золотом, и даже лошади, уносящие в сказочные дали какой-нибудь ладный, словно игрушечный экипаж, цокают копытами по-особому звонко. Всюду праздник – в беззаботном смехе детей, играющих в догонялки, в глазах кошек, которые шурятся на солнце, лежа на подоконниках, в оживленных лицах хорошеньких женщин...»

ISBN 978-5-699-33340-0

© Вербинина В.

© Автор

Содержание

1	5
2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Валерия Вербинина

Богиня весны

1

Ах, как хороша, как нежна, как упоительна весна – но вдвойне хороша она в прекрасном городе Париже. Вдоль бульваров каштаны распустили зеленые гривы, воздух пронизан золотом, и даже лошади, уносящие в сказочные дали какой-нибудь ладный, словно игрушечный экипаж, цокают копытами по-особому звонко. Всюду праздник – в беззаботном смехе детей, играющих в догонялки, в глазах кошек, которые щурятся на солнце, лежа на подоконниках, в оживленных лицах хорошеньких женщин. Даже угрюмый Рейно, в чьи обязанности входит поддерживать порядок на улице Риволи, где расположены очень богатые особняки, и тот преподнес мадемуазель Николетт, горничной из дома номер семь, букетик собственноручно сорванных цветов. И плутовка приняла подарок, даром что предметом ее мечтаний был вовсе не этот усатый брюнет с унылой физиономией язвенника, а слесарь Монливе, блондин и весельчак, который не так давно чинил в особняке замок. Но, в конце концов, мало ли что – вдруг слесарь, к примеру, окажется женатым, тогда и унылый полицейский на что-нибудь сгодится. Николетт была так создана, что не строила далеко идущих планов.

Только один человек в этот день оставался совершенно равнодушным к чарам весны и, похоже, даже не радовался ее приходу. Это был старый, седой слуга из малоприметного дома, затесавшегося среди дворцов аристократов и банкирских содержанок. Каждое утро Рейно видел, как слуга выходит на прогулку в сопровождении дряхлой собаки неопределенной породы с длиннющим пятнистым туловищем, смахивающим на колбасу. Лапы у собаки были короткие, как у таксы, в глазах застыла вселенская грусть, а уши свисали до самой земли. По словам Николетт, чем собака уродливей, тем она породистей, и это чудо природы, вероятно, считалось в собачьем царстве чем-то вроде принца крови; хотя Рейно для виду согласился с горничной, он все же не мог избавиться от ощущения, что эта колбаса на кривеньких ножках – не собака, а недоразумение. Вообще, по его мнению, и пес, и слуга были вполне под стать друг другу – оба старые, медлительные, неповоротливые и молчаливые. Вот и сейчас они неторопливо прошли мимо и, как обычно, углубились в парк, примыкавший вплотную к дому номер семь.

Парк был полон трепещущих солнечных лучей, детского смеха и женского говора. Одна или две старушки, сидя на скамейках, что-то с увлечением вязали, прочие женщины делали вид, что присматривают за детьми, но на деле обменивались последними сплетнями – какое платье сшила Берта на помолвку, когда выходит замуж Люсиль и как едва не разорился какой-то Франсуа, но все-таки не разорился, потому что успел получить наследство от тетки Сюжетты. Проходя мимо той, что с увлечением обсуждала с соседкой неведомого Франсуа, слуга вздохнул так громко, что собака с удивлением оглянулась на него. Женщины проводили старика сочувственным взглядом и вновь углубились в беседу об общих знакомых.

А слуга в сопровождении безмолвного пса продолжил свой путь, и чем дальше он уходил от беззаботных парижанок, тем печальнее становились его мысли. Он думал о том, как скверно быть стариком, на которого никто не обращает внимания, а если и обращает, то лишь для того, чтобы сразу же его забыть. Впрочем, так как он питал некоторую склонность к философии, то сразу же утешил себя, что быть старым и больным хуже, чем просто старым, а еще хуже – старым, больным и нищим. Собака трусила возле него, и ее длинные уши мотались из стороны в сторону. Старик поглядел на нее и подумал, что человеку приходится нелегко, а собаке, должно быть, совсем невмоготу, хотя этой еще повезло: недаром же ее хозяин – знаме-

нитый ученый Мезондье, который души в ней не чает. Правда, ученый скуповат, и ему, Антуану Валле, назначил гораздо меньше того, что полагается приличному слуге, но Антуан на него не в обиде. В конце концов, в его возрасте уже можно довольствоваться малым, да и хорошее место отыскать не так-то легко.

Пес вопросительно смотрел на своего спутника, слегка виляя хвостом. Антуан очнулся от размышлений и увидел, что они находятся уже у ограды, отделявшей сад дома номер семь от территории парка. Пора было возвращаться. Дом принадлежал какой-то богатой русской, которая жила здесь наездами, – не то княгине, не то княжне, если верить болтушке Николетт. Верный своей философии, Антуан подумал, что хорошо быть богатым русским, особенно если ты не слишком стар. Впрочем, княгиня и в самом деле была молода – слуга пару раз видел ее издали. Он со вздохом поглядел на закрытые окна и повернулся, чтобы уйти, но тут откуда-то из глубины дома донесся мягкий фортепианный аккорд, и слуга замер на месте. Ему показалось, что он знает эту мелодию, но никак не мог вспомнить, кто ее автор.

В следующее мгновение окно во втором этаже распахнулось, из него вылетел какой-то предмет и упал к ногам Антуана, стоявшего за оградой. Фортепиано умолкло, заглушенное взрывом беспечного смеха, а окно закрылось так же быстро, как и отворилось.

Антуан в изумлении покосился на собаку, словно только она могла втолковать ему, что происходит, но, разумеется, никакого объяснения не получил. По привычке вздохнув, слуга наклонился и подобрал неведомый предмет, оказавшийся мешочком из довольно плотной ткани. Запустив руку внутрь, Антуан вытащил из него несколько колец с крупными камнями и ожерелье, сверкающее яркими рубинами.

Тут философия начисто отказала Антуану, зато включился здравый смысл. И здравый смысл весьма кстати шепнул ему, что ожерелья не бросают куда попало, что ожерелья с настоящими рубинами вообще не бросают, особенно из окон, даже самые эксцентричные и самые что ни на есть богатые русские и что, если вдуматься, все происходящее выглядит довольно-таки подозрительно.

Неизвестно, какие именно выводы сделал Антуан, зато доподлинно известно, что пять минут спустя полицейский Рейно видел, как неповоротливый обычно старик непривычно быстрым шагом возвращается домой, держа одну руку в кармане сюртука. Возле слуги бежал, пыхтя от напряжения, верный пес.

2

Дзззззыынь!

Давно известно, что неожиданный звонок в дверь производит совершенно разное действие на людей, у которых совесть нечиста, и на тех, которым нечего скрывать. Если первые бледнеют, краснеют и стремятся делать вид, что их нет дома, то вторые пожимают плечами, разводят руками и спрашивают у своей половины (двадцать лет совместной жизни, полгода любви, девятнадцать с половиной взаимного безразличия, трое детей, один от соседа напротив – не считая того, что от дочери консьержки, но об этом жене знать не обязательно, так же как и мужу о соседе).

– Мари! Это случаем не твоя маман? А то я вспомнил, что уже давно не уезжал за город проветриться.

– Обойдешься! – с типично парижским шикарным презрением отвечает супруга. – Наверняка этот твой папа, который уже спустил все свои деньги в карты и теперь хочет спустить наши! Ты как хочешь, а я считаю, что ему у нас делать нечего! Если хочет отобедать, пусть идет в ресторан!

– Ну, нехорошо как-то, – сомневается супруг, – и потом, он же мой отец, что скажут соседи?

Жене отлично известно, что соседи – к примеру, сосед напротив – ничего не скажут, а если и скажут, никакого значения это иметь не будет. Но страх перед общественным мнением делает свое дело, и она поджимает губы, меж тем как муж велит служанке – неповоротливой, как все служанки, – открыть дверь.

За дверью и в самом деле обнаруживается шестидесятилетний пап*!*а*!*, сияющий, как фальшивая монета, с белым цветком в петлице. Папа обнимает сына, пропускает мимо ушей слова невестки о том, что у них ну прямо совсем нечего есть и Аннетта до сих пор не ходила за провизией, и сообщает, что он женится на вдове генерала такого-то, имеющей годовую ренту в десять тысяч полновесных золотых франков.

Сын бледнеет, невестка краснеет, а счастливый жених добавляет, что не смеет больше их беспокоить, и вообще, они с женой сразу же после венчания укатят в Монте-Карло, где будут вдвоем в счастье и согласии просаживать состояние покойного генерала. Но сына с супругой они будут рады у себя видеть, при условии, что те не будут занимать деньги и вообще являться с визитами слишком часто.

...Ах, отчего у Антуана нет супруги и трех законных детей, пусть даже один из них от соседа напротив? Тогда бы он не вздрагивал, заслышав проклятый звонок, и не съеживался, делая вид, что его нет дома, в то время как его сердце стучит так громко, что его наверняка слышно на том конце улицы Риволи!

– Полиция! – донесся с той стороны двери начальственный голос. – Немедленно откройте!

И он пошел, шаркая ногами и горбясь, и отворил дверь.

За нею обнаружился складной светловолосый господин с проницательными глазами, какие и подобает иметь настоящему полицейскому при исполнении служебных обязанностей. Увидев эти серые неприятные глаза, Антуан съежился еще больше.

– Это дом Фредерика Мезондье? – осведомился молодой полицейский, прямо-таки сжигая слугу взором.

Еле слышным голосом Антуан подтвердил, что это именно так.

– Ваше имя и звание? – безжалостным казенным тоном продолжал полицейский. Как-то незаметно он просочился в дом и теперь наступал на Антуана, который пятился от него к двери гостиной.

– Антуан Валле, – пробормотал старик, угасая. – Я... я слуга. Господин Мезондье сейчас в Египте на раскопках. Он... он ученый.

Господин полицейский соблаговолил слегка притушить свой смертоносный взор.

– Мне известно, кто такой господин Мезон-дье, – сухо промолвил он. – И разумеется, я в курсе его заслуг перед Францией.

Судя по его интонации, если бы не эти неоспоримые заслуги, господин Мезондье заслуживал по меньшей мере немедленной казни через замуровывание заживо в египетский саркофаг. Однако Антуан сделал попытку улыбнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.